

Люк Дженнингс

УБИВАЯ ЕВУ

Люк Дженнингс

УБИВАЯ ЕВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

CODENAME VILLANELLE;
NO TOMORROW;
ENDGAME;
Luke Jennings

*Печатается с разрешения PEW Literary Agency Limited
и литературного агентства Synopsis*

Дженнингс, Люк.

Д40 Убивая Еву. Полная история /Люк Дженнингс ; [перевод с английского Г. Л. Григорьев]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 736 с. — (КИНО!!).

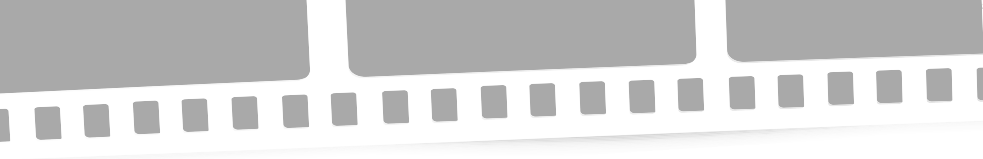
ISBN 978-5-17-149482-7

«Убивая Еву» — сериал, основанный на одноименной шпионской трилогии Люка Дженнингса. Разведчица Ева Поластри отличается от типичного спецагента отсутствием каких-либо суперспособностей: она обычная женщина, которая устает и испытывает страх. Случайное стечение обстоятельств приводит ее к руководству одним непростым делом — выслеживанию наемного киллера Вилланель. В ходе расследования Ева выясняет, что работодателем Вилланель является секретная организация «Двенадцать». Поняв, что Ева представляет опасность для Вилланель, «Двенадцать» начинает преследовать ее. В последней части книги Вилланель возвращается на родину в Россию, где ее ждет встреча с демонами прошлого. В это время Ева находится в бегах, скрываясь от «Двенадцати». Разыгрывается последняя шахматная партия, поражение в которой будет стоить жизни.

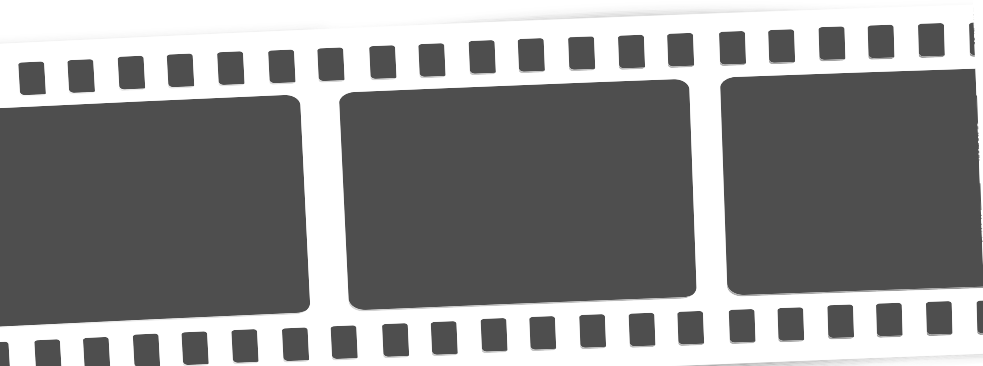
УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

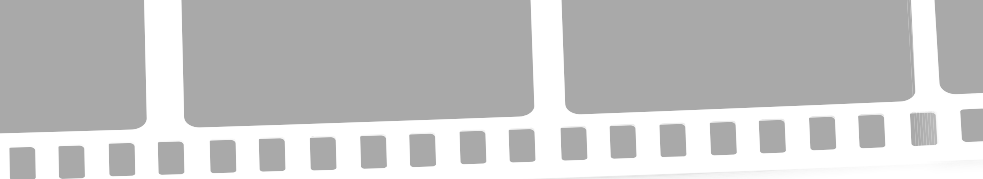
ISBN 978-5-17-149482-7

Copyright © Luke Jennings, 2014, 2015, 2016
© Г.Л. Григорьев, перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2023

A decorative border at the top of the page, resembling a film strip with several rectangular frames and a series of small squares along the bottom edge.

**Кодовое имя:
Вилланель**

A decorative border at the bottom of the page, resembling a film strip with several rectangular frames and a series of small squares along the top edge.

Палаццо Фальконьери располагается на мысе, на берегу одного из итальянских озер, но не самых знаменитых. Сейчас конец июня, и тихий бриз овеивает сосны и кипарисы, рассыпанные мелкими группами, словно бригады часовых, по скалистому ландшафту. Сад величав и, пожалуй, даже прекрасен, но его плотные тени и строгие очертания самого палаццо создают ощущение неприступности.

За стеклами высоких, смотрящих на озеро окон видны шелковые шторы. Банкетный зал в восточном крыле сейчас служит комнатой для совещаний. В центре зала, под тяжелой люстрой в стиле ар-деко, — длинный стол с бронзовой пантерой Рембрандта Бугатти.

Вокруг стола сидят двенадцать мужчин довольно заурядной внешности. Но, судя по дорогим костюмам, это успешные люди. Большинству около шестидесяти лет, их лица — из тех, что не остаются в памяти. Но обращает на себя внимание общая черта — неослабевающая настороженность.

С утра здесь проходит совещание на английском и русском языках — ими владеют все присутствующие. Затем легкий ланч на террасе: закуски, озерная форель, охлажденное вино верначча, свежий инжир и абрикосы. После ланча мужчины пьют кофе, созерцают озерную

гладь, покрытую рябью от бриза, и прогуливаются по саду. Там нет охраны — на таком уровне секретности сами охранники уже источник риска. Вскоре мужчины возвращаются в затененный зал. Повестка дня озаглавлена одним простым словом: ЕВРОПА.

Первым берет слово загорелый человек неопределенного возраста с глубоко посаженными глазами. Он оглядывает сидящих за столом.

— Сегодня, господа, мы уже обсудили политическое и экономическое будущее Европы. В частности, побеседовали о денежных потоках и о том, как лучше их контролировать. А сейчас мне хотелось бы обратиться к иной тематике.

В зале гаснет свет, и двенадцать голов поворачиваются к экрану на северной стене; там — фото средиземноморского порта с контейнеровозами и причальными перегрузочными кранами.

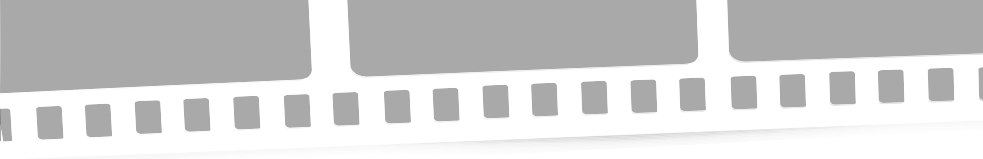
— Палермо, господа, на сегодняшний день — главный пункт доставки кокаина в Европу. Итог стратегического союза между мексиканскими наркокартелями и сицилийской мафией.

— Разве сицилийцы еще имеют какой-то вес? — спрашивает человек слева от докладчика. — У меня впечатление, что наркоторговля — бизнес материковых синдикатов.

— Так и было. Еще полтора года назад картели принципиально работали только с калабрийской Ндрангетой. Но в последние месяцы вспыхнула война между калабрийцами и мятежным сицилийским кланом Греко.

На экране появляется лицо. Взгляд темных глаз холоден и насторожен. Линия рта — словно капкан.

— Сальваторе Греко посвятил всю жизнь тому, чтобы возродить влияние своей семьи. Еще в девя-

ностые, когда отца Сальваторе устранили члены конкурирующего клана Маттео, она лишилась голоса в коза ностре. Через четверть века Сальваторе выследил и перебил всех Маттео до единого. Греко и их союзники Мессино — самые богатые, могущественные и грозные сицилийские кланы. Известно, что Сальваторе собственноручно убил не менее шестидесяти человек и сотни людей по его приказам лишились жизни. Сейчас ему пятьдесят пять, он безраздельно властвует в Палермо и контролирует всю местную наркоторговлю. Общий оборот его предприятий — где-то двадцать-тридцать миллиардов долларов. Так что, господа, он почти один из нас.

По залу пробегает легкая рябь веселого — или близкого к тому — изумления.

— Главная проблема с Сальваторе Греко отнюдь не его страсть к пыткам и убийствам, — продолжает докладчик. — Когда одни мафиози убивают других, это вроде самоочищающейся печи. Но с недавних пор он стал заказывать членов истеблишмента. Сейчас на его счету уже двое судей, четверо важных чиновников — они взорвались в машинах — и журналистка, убитая на пороге собственного дома. Она была беременна. Ребенок не выжил.

Он делает паузу и обращает взгляд на экран с фотографией мертвой женщины, распластавшейся навзничь в луже крови.

— Надо ли говорить, что непосредственную причастность Греко к этим преступлениям установить невозможно? Полицейских подкупали или запугивали, свидетелям угрожали. Кодекс молчания, омерта, превыше всего. Этот человек неприкосновенен в самом буквальном смысле. Месяц назад я отправил к нему

посредника — договориться о встрече, поскольку считал, что нужно достичь хоть какого-то согласия. Его действия в этом уголке Европы приобрели чрезмерный размах и стали угрожать нашим собственным интересам. Греко откликнулся незамедлительно. На следующий же день я получил запечатанный конверт. — Фотография на экране меняется. — Как видите, в нем я нашел глаза, уши и язык своего посыльного. Смысл письма предельно ясен. Никаких встреч. Никаких переговоров. Никакого согласия.

Люди за столом некоторое время не отрывают глаз от кошмарного кадра на экране, а затем переводят взгляд на говорящего.

— Господа, полагаю, нам следует принять оперативное решение относительно Сальваторе Греко. Это чрезвычайно опасная, неконтролируемая сила, с которой правоохранительные органы справиться не в состоянии. Его преступная деятельность и хаос, который она за собой влечет, угрожают стабильности всего средиземноморского сектора. Предлагаю исключить его из игры окончательно.

Поднявшись, докладчик идет к фуршетному столу и возвращается с антикварной лакированной шкапулкой. Вынимает из нее черный бархатный кисет и высыпает содержимое на стол. Двадцать четыре рыбки из слоновой кости: половина — гладко-желтой окраски, другая половина — с протравленными кроваво-красными пятнами. Каждый из присутствующих получает пару разных цветов.

Бархатный кисет совершает круг по столу против часовой стрелки, и каждый кладет в него по рыбке. Совершив полный оборот, кисет возвращается к человеку, который объявил голосование. Содержимое вновь вы-

сыпано на смутно поблескивающую поверхность стола. Двенадцать красных рыбок. Единодушный смертный приговор.

Двумя неделями позже, вечером, Вилланель сидит за столиком на открытой террасе парижского частного клуба «Жасмин» в Шестнадцатом округе. С восточной стороны доносится глухой рокот машин на бульваре Суше; на западе — Булонский лес и ипподром Отёй. Терраса ограждена шпалерой с цветущим жасмином, теплый воздух пропитан его ароматом. Большинство столиков заняты, но разговоры едва слышны. Дневной свет постепенно меркнет, близится ночь.

Вилланель делает долгий глоток мартини с водкой «Грей Гус», украдкой изучая окружающих и уделяя особое внимание паре за соседним столом. Обоим около двадцати пяти; он — элегантно небрежен, она — утонченная, похожая на кошку. Брат и сестра? Коллеги? Любовники?

Определенно не брат с сестрой, приходит к выводу Вилланель. Между ними чувствуется натянутость общников — все что угодно, только не семейные отношения. Кстати, они не бедны. Взять хоть ее шелковый свитер: темно-золотистые оттенки — под цвет глазам. Не новый, зато настоящий «Шанель». И пьют они марочное шампанское «Теттенже», а в «Жасмине» оно весьма недешево.

Поймав взгляд Вилланель, парень на пару сантиметров приподнимает свой бокал. Он шепчет что-то спутнице, и та пронзает девушку холодным оценивающим взглядом.

— Не желаете к нам присоединиться? — обращается она к Вилланель. Приглашение — и вызов.

Вилланель спокойно смотрит ей в глаза. Бриз колеблет напоенный ароматом воздух.

— Мы не настаиваем, — говорит парень, его косая ухмылка не вяжется с невозмутимым взглядом.

Вилланель встает и поднимает бокал.

— С удовольствием присоединюсь. Я ждала подружку, но она, видимо, задерживается.

— В таком случае... — Парень приподнимается со стула. — Меня зовут Оливье. А это Ника.

— Вилланель.

Беседа течет весьма шаблонно. Оливье с недавних пор пытается сделать карьеру в галеристике. Ника время от времени подрабатывает актрисой. Они не родственники, да и на любовников при ближайшем рассмотрении тоже не тянут. Но все равно есть нечто неумовимо эротическое и в их общении, и в том, как они втянули ее в свою орбиту.

— А я трейдер, — говорит им Вилланель. — Валюта, процентные фьючерсы и все такое. — Она с удовлетворением отмечает, как в их глазах гаснет любопытство. Если нужно, она может часами беседовать о внутридневном трейдинге, но им это не интересно. Поэтому Вилланель переходит к рассказу о версальской квартире на первом этаже, откуда она ведет свои операции. Этой квартиры не существует, но Вилланель способна описать ее вплоть до железных завитков на балконе и выцветшего персидского ковра на полу. Ее легенда теперь доведена до совершенства, и ложь, как обычно, дарит наслаждение.

— Нам нравятся твоё имя, и твои глаза, и твои волосы, но больше всего — твои туфли, — говорит Ника.

Вилланель смеется и выгибает ступни в атласных «лабутенах» на ремешках. Поймав взгляд Оливье, она сознательно копирует его томную позу. Девушка представляет, как его руки со знанием дела, по-хозяйски

скользят по ее телу. Он воспринял бы ее — так ей кажется — как прекрасную вещицу, украшение коллекции. Считал бы, что у него все под контролем.

— Почему ты смеешься? — спрашивает Ника, наклоня голову и прикуривая сигарету.

— Вы смешные, — отвечает Вилланель.

— У меня есть предложение, — говорит Оливье, и в этот миг телефон в сумочке Вилланель подает сигнал. В эсэмэске — единственное слово: ОТВЛЕКИСЬ. Она встает с пустым лицом. Бросает взгляд на Нику и Оливье, хотя в ее сознании их больше нет. Выходит, не говоря ни слова, и через минуту ее «Веспа» вливается в мчащийся на север поток машин.

Уже три года прошло с тех пор, как она познакомилась с приславшим это сообщение. С тем, кто ей по-прежнему известен лишь как Константин. В те времена ее жизнь была совсем другой. Ее звали Оксана Воронцова, и она числилась студенткой Пермского университета, отделение французской лингвистики. До диплома оставалось полгода. Однако попасть на защиту ей было не суждено, поскольку осенью она угодила совсем в иное место. В уральский женский СИЗО «Добрянка». По обвинению в убийстве.

От «Жасмина» до квартиры Вилланель у Порт-де-Пасси рукой подать — минут пять езды. Большое, безликое и спокойное здание тридцатых годов,

а в нем — надежно охраняемая подземная парковка. Поставив «Веспу» рядом со своим быстрым и неприметным серебристо-серым «Ауди ТТ Родстером», Вилланель едет на лифте до шестого этажа и поднимается еще на один короткий пролет к мансардной квартире. Входная дверь по внешнему виду не отличается от других дверей в доме, но сделана из усиленной стали и снабжена электронной замковой системой, изготовленной по спецзаказу.

Внутри квартира удобна и просторна, хоть и слегка обшарпана. Год назад Константин вручил Вилланель документы на нее и ключи. Она понятия не имела, кто жил здесь до нее, но, войдя сюда впервые, обнаружила, что квартира полностью обставлена, а судя по возрасту сантехники и прочего оборудования, предыдущий жилец был немолодым человеком. Не имея вкуса к хлопотам по обустройству, она оставила квартиру в том же виде, в каком нашла, — с выцветшими обоями цвета морской волны и парижской лазури и с не поддающимися описанию картинами постимпрессионистов.

Гостей у нее не бывает (для профессиональных встреч есть кафе и общественные парки, а для секса — отели), но если бы сюда кто-то и заглянул, то обнаружил бы полное подтверждение легенды Вилланель. Компьютер в кабинете — супертонкий ноутбук в стальном корпусе — защищен обычной гражданской программой, и защиту без труда взломал бы начинающий хакер, но, просмотрев содержимое, обнаружил бы лишь подробные сводки о внутридневном трейдинге. Бумаги в сейфе тоже особой ценности не представляют. Музыкальной системы в квартире нет. Для Вилланель музыка — в лучшем случае бессмысленный

раздражитель, а в худшем — источник смертельного риска. Тишина — залог безопасности.

Условия в СИЗО были отвратительными. Пища практически несъедобна, везде антисанитария, а ледяной, пронизывающий ветер с реки Добрянки проникал в каждый безрадостный уголок. За малейшее нарушение правил сажали в одиночку — в ШИЗО. Однажды, через три месяца после ареста, Оксану вызвали из камеры, без всяких объяснений провели в тюремный двор и запихнули в потрепанный «газик». Двухчасовая поездка в глубь Пермского края, и водитель остановил машину у моста через замерзшую Чусовую; не говоря ни слова, взглядом указал на низенькую сборную будку, рядом с которой стоял черный полноприводный «Мерседес».

Внутри будки места хватило лишь на стол, два стула и керосиновый обогреватель. Сидящий на одном из стульев человек в тяжелом сером пальто окинул девушку взглядом: затасканная тюремная роба, изможденное лицо, на котором застыла угрюмая непокорность.

— Оксана Борисовна Воронцова, — произнес он наконец, заглянув в папку на столе. — Возраст: двадцать три года и четыре месяца. Обвиняется в тройном убийстве с многочисленными отягчающими обстоятельствами.

Она молча смотрела в окно на квадратный клочок заснеженного леса. Человек казался самым обычным, но с первого взгляда было понятно, что он не из тех, кем получится манипулировать.

— Через две недели суд, — продолжал он. — И тебя признают виновной. Другого исхода ждать не приходится. Теоретически тебе светит «вышка».